

**Светов Ф.Г. «Куда жить?» / Ф.
Светов // Ушла ли романтика? :
критич. размышления / Ф. Светов. –
Москва, 1963. – С. 102-105.**

Но попробуем еще определеннее задаться вопросом о том, что делает молодых людей такими, какие они есть, что помогает им ответить на извечный вопрос юности «куда жить?», а толкнув на тот или иной ответ, определяет формирование характера человека. Очевидно, следует рассмотреть целый комплекс проблем воспитания в семье, школе, на улице — в самой атмосфере жизни общества, в которой подрастают мальчики и девочки. Очень интересно, своеобразно, по-своему неожиданно отвечает на все эти и многие другие «смежные» вопросы новая повесть В. Тендрякова «Чрезвычайное».

Герой повести, учитель с сорокалетним стажем, двадцать лет директорствует в средней школе в небольшом провинциальном городке. Неожиданно он приходит к убеждению, что работал неправильно, что любовь к детям, которая составляла пафос его жизни, была на поверку чувством скорее пассивным, чем деятельным; он заботился главным образом о том, чтобы вложить в головы ребят сумму необходимых знаний, по существу забыв о полном юношеского смятения душевном мире учеников. Не думал, хотя любил их и знал, кем они после школы становятся. Многие ученики оставались после школы в городе, он сталкивался с ними, их наблюдал и видел среди них людей очень разных: «Я не витаю в поднебесье, до меня доходят все истории, все сплетни, прекрасно знаю, что в нашем маленьком городке живут не святые люди и среди них мои ученики, нисколько не лучше других». Нисколько не лучше — значит, кроме честных, добрых, отзывчивых встречаются и завистливые, лживые, жестокие и равнодушные. И он, старый учитель Махотин, за них отвечает. Нелегко задуматься об этом на пороге глубокой старости. А начинается весь этот «кризис» в душе Махотина с «чрезвычайного происшествия». Десятиклассница комсомолка Тося Лубкова находит утешение у богомольной старушки, все больше и больше утверждает в существовании бога; классный руководитель десятиклассников, преподаватель математики Морщинин, работающий в школе десять лет, по существу, всю жизнь верит в бога, дома у него вся стена в иконах. Происшествие и впрямь незаурядное, но его делают особенно «чрезвычайным» меры, предпринятые директором школы.

Прежде всего он убеждает одноклассников не исключать Тосю из комсомола. «Оттолкнем от себя...», «Не убиваем ли мы с вами человека?» Это, мол, послужит дурным примером. «Для кого примером?.. Вас, ребята, оказывается, надо припугнуть, а то вслед за Тосей того и гляди толпой броситесь к иконам...» С ребятами Махотину просто — они ж его ученики. Труднее убедить в правильности своих мер общественность. И если история с Тосей еще как-то укладывается в сознании, то

работа в советской школе преподавателя, верящего в бога, — это уж и совсем черт знает что! А Махотин всё продолжает настаивать на своих «интеллигентских штучках». Он верит в силу свою и всего талантливого коллектива учителей больше, чем в религиозное влияние Морщикина: «Разве можно сомневаться, что победим мы». Агитировать он не может, даже если бы захотел, закон запрещает, «день изо дня возле ребят будет находиться человек, с чуждыми взглядами, но связанными руками. Он постоянно на глазах у всех будет терпеть поражение за поражением. Все убедятся, что нет в нем ни таинственности; ни оригинальности, ни интригующей отверженности. Что он просто слабая, запутавшаяся личность, достойная скорее жалости, чем уважения».

Борьба за душу Тоси Лубковой становится все сложнее, но ведь и нет ничего сложнее внутреннего мира человека, речь идет о таких сложных вещах, как мировоззрение человека, здесь не отделаешься лекциями на тему: «Было ли начало и будет ли конец света?», нельзя и «угрозами заставить думать иначе. Не получится». Речь идет о выработке самостоятельности мышления. Махотин устраивает в школе диспут о «физиках» и «лириках», в котором участвуют и учителя и ученики. Три дня школа бурлит, спорит, убеждает друг друга (разрешены все формы убеждения, кроме угроз и насилия; возле «деклараций» «физиков» и «лириков» возникает третья «стихийная декларация» «независимых» — нечто среднее и промежуточное: «В любом деле есть поэзия!.. Истинный физик всегда поэт!..» Спор окончен, голоса подсчитаны, открылись, проявились характеры, а «на ждуют другие вопросы». Махотин предлагает следующим устроить диспут о духовном мире человека: «существует ли бессмертие человеческой души?» Махотин все ближе подбирается к Тосе Лубковой, еще чуть-чуть, и она окажется вовлеченной в жизнь школы. Тебе отмерено шесть, семь, восемь десятилетий, — говорит учитель, — сумей их использовать, подари что-то новое, пусть маленькое, но свое, подари его тем, кто станет жить после тебя. Бессмертие только в этом, другого не существует...»

Махотин задумал сложную и неожиданную «форму»

борьбы за душу человека. Но ведь этот человек будет жить при коммунизме, построение же коммунистического общества процесс сложный, каждая мелочь — открытие, а здесь не мелочь — становление человека: с маху не разрубишь — «душа не веревка». Махотину не удастся завершить начатое — старость, подвело сердце, да и можно ли говорить о конце в таком деле, важно «начать, заставить поверить, что нужно, что без этого не обойтись, — а конца нет».

Воспитание души — это целый комплекс проблем. И повесть Тендрякова подкупает щедростью мысли, автор не боится новых и новых «вопросов», возникающих за каждым следующим поворотом избранной Махотиным дороги. Саша Коротков, лучший ученик школы, «наша гордость, светлый ум», первым «бесцеремонно запускает руку в чужую душу» — прочитывает дневник Тоси; отец Тоси — тупой и прямолинейный демагог, не желающий вопреки очевидности признать существование человеческой сложности; сама Тося, превратившаяся сначала из комсомолки в богомолку, а потом «просто» в обывательницу: «Думать не думает, не верит. Уж лучше бы верила, да думала...»; десятки других более или менее сложных вопросов. Но главное сама школа, всколыхнувшаяся навстречу старому учителю, немедленно ответившая его страстной, живой и взволнованной творческой мысли о том, каким должен быть человек и что для этого нужно делать сегодня...

Проблемы, рассмотренные нами в произведениях о молодежи, смыкаются с проблемами «взрослой» литературы: это все тот же разговор о герое-современнике и современном конфликте, в котором герой проявляется, все тот же круг нравственных вопросов, понятный интерес к которым становится все более пристальным. Вы видели, что успех ждет писателя там, где он сталкивает своего героя с серьезными жизненными конфликтами, «разрабатывает» их глубоко и смело, широко рассматривает целый комплекс важных и современных проблем; где вопросы формирования характера героя не отделяются писателем от выработки молодым человеком мировоззрения, самостоятельности мышления, твердых нравственных принципов и представлений о жизни.